

Анна Яковлева

КОРОЛЕВСКАЯ ШУКА



18+

Анна Яковлевна Яковлева

Королевская щука

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55331619

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-06139-2

Аннотация

Говорят, если ты ищешь любовь, небо посылает тебе того, кому нужна помощь. Талли руководит Центром помощи приемным детям и их родителям, ведет программу на телевидении, гуляет с собакой, а в перерывах собирает материал для кандидатской диссертации. Желая понравиться Талли, бизнесмен Константин Жбанов становится спонсором детского дома-интерната и даже облачается Дедом Морозом на новогоднем утреннике. Но красота, ум и щедрость ухажера скрывают пустоту и бездушие. Как распознать обман? Случай открывает Талли прошлое Константина, и она из подруги превращается в судью.

Анна Яковлева

Королевская щука

Все описанные события – вымышлены, все совпадения – случайны.

...– Самосбывающееся пророчество – это когда вы получаете от жизни то, что ждете. Ждете гадостей, ноете, жалуетесь, что все плохо, – так и будет. И наоборот: настроены оптимистично, неудачи делают вас мудрее и лучше, и все получается. То же самое и с детьми. Родители неосознанно, случайно сказанным словом могут внушить ребенку любовь, сострадание и милосердие, а могут внушить страх, недоверие к окружающим, шовинизм, презрение к людям, а то и ненависть. Не далее как вчера я стала свидетелем такой сцены: мама двух сыновей едет в автобусе, младший ребенок не хочет делиться чем-то со старшим братом. Мама над ним подтрунивает: «Ты еврей, Санечка?». Младший сын хнычет и жалуется, мама снова подтрунивает: «У меня теперь есть доченька! Ты моя доченька». За пару минут эта мамаша успела внушить ребенку две вещи: быть девочкой – это плохо, и быть евреем – это тоже плохо! Ребенок получил небольшую порцию яда. Даже этой малой порции достаточно, чтобы отравить человека. Но ведь это только начало. Повзрос-

лев, мальчик самостоятельно продолжит начатое мамой. В старости такая мама будет удивляться, почему у нее жестокий сын.

– К сожалению, наше время в эфире заканчивается, у меня последний вопрос. – Глаза ведущего под очками скопировались в талмуд, который он не выпускал из рук во время интервью. – Скажите, Талли, что лучше: рассказать или не стоит рассказывать приемному ребенку его историю? У нас есть минута.

Скользнув взглядом по студийным часам, – стрелки приближались к десяти вечера – Талли со спокойным достоинством произнесла:

– Я категорический противник любой лжи. – Голос, интонации и сама манера говорить – все было приглушенным и сдержанным. Искренность сочеталась с внутренней силой. На этом фоне ведущий выглядел довольно жалко, был суетлив и неубедителен, и Талли держала эфир на себе, не прилагая к этому никаких особенных усилий.

В последний момент, когда осталось несколько секунд до отбивки, режиссер вывел в студию звонок телезрительницы:

– Талли Тимуровна, – раздался взволнованный женский голос, – я воспитываю приемного сына, ему шесть, и он не знает, что он приемный, а я не знаю, как ему об этом сказать.

По лицу Талли скользнула едва уловимая тень раздражения.

Раздражение адресовалось родителям, которые ради пресловутой «тайны усыновления» предпочитают получать сведения где угодно, только не у специалистов. Такая система бережливости души, которая сплошь и рядом – двадцать из ста – оборачивается «разусыновлением» или «разудочерением».

Кивнув, Талли посмотрела прямо в телекамеру и выдала одну из своих лучших улыбок:

– Приходите к нам в Центр. Мы оказываем полное сопровождение семей с приемными детьми.

– Напомню: у нас в гостях была кандидат психологических наук, – затараторил, сбиваясь, ведущий, – директор Центра психологической поддержки приемных родителей и детей Талли Тимуровна Сыроваткина.

Заиграла отбивка, Талли откинулась на спинку дивана.

В такие минуты ей все чаще казалось, что рано или поздно ее уличат в лицемерии: у специалиста, кандидата и директора, у Талли Тимуровны Сыроваткиной детей не было даже в проекте. Кривая ухмылка злодейки-судьбы: детей Талли наблюдала в Центре, в детских домах, в больницах, детских садах и школах, еще во дворе дома и в семье подруги, Наташки Чаплиной – где угодно, только не в собственном доме.

Но это, так сказать, частность. А в общем – у нее даже мужа в заводе нет. И никогда не будет, если только чудесным образом к ней в дом не постучится безумец, способный вывести ее.

Ее погруженность в профессию, ритм жизни, хм... нечего скромничать... популярность и красоту. И темперамент. А на сладкое – работу над докторской диссертацией. Весь джентльменский набор...

Погасли «юпитеры», ведущий выдернул из уха микрофон.

– Спасибо, Талли. – Он оторвал взгляд от французских косичек, обрамляющих лицо собеседницы. Странное дело: щедушность и эти детские косички нисколько не дискредитировали директрису. Образ был цельным и ... железобетонным.

– Всем спасибо, все свободны, – прозвучал голос из операторской.

Духота в студии стала нестерпимой.

Как только отключили свет, Талли мгновенно почувствовала усталость. Тело отказывалось подчиняться, мышцы на лице отяжелели. Кажется, даже мозги стали чужими и не слушались. Что она дальше должна делать? Куда ехать? Домой или еще куда-то?

– И вам спасибо, Павел, – устало произнесла она. Нет, кажется, на сегодня все.

Талли встряхнулась, оттолкнулась от кожаного дивана ладонями и следом за ведущим покинула студию.

...В такси она совсем раскисла. Сгорбившись на заднем сиденье, вытирала ладонями мокрое от слез лицо и старалась как можно тише шмыгать носом – стыдно реветь при чужом

дядьке.

За окном мелькал ночной город, проносились машины, пешеходы перебегали на красный свет – уходил обычный день, еще один день ее жизни.

Дальше придет длинная ночь, все уснет, ей одной не будет покоя от бесов.

Сначала бесы пакостничали тайком, подталкивали к депрессии незаметно.

Потом обнаглели, почувствовали себя хозяевами положения, размножились, стали изобретательней и наглей.

Стоило выключить свет, как они забирались в черепную коробку и принимались тиранить жертву. С каждым разом депрессии становились все глубже и продолжительней.

Пока еще Талли избегала сильных антидепрессантов, но перспектива вырисовывалась мрачная.

«Дура, – обозвала себя без пяти минут профессорша. Ну чего ты реवेशь? Тебе тридцать лет, ты кандидат наук, у тебя сложилась карьера, у тебя Центр, у тебя любимое дело. Твое имя известно в кругах специалистов, ты выходишь на международный уровень. Твоей работой об отвергаемых детях заинтересовался сам Александр Кайро, член американской Ассоциации психологов, президент фонда, директор института “Семейное здоровье”! В коллективе за глаза тебя зовут “ТТ” ...»

Вопреки всему сказанному, стало только хуже.

Сколько она ни бьется, а достижений все равно меньше,

чем неудач. Вон, Ванька Заикин сбежал из приемной семьи третий раз...

Остро захотелось кому-то пожаловаться – пожаловаться было решительно некому.

У Наташки семья, времени на дружбу почти не остается.

Бабуля уехала в Тель-Авив на ПМЖ.

Спасатель-эмчээсник, с которым Талли встречалась последний год, сбежал. Талли смутно подозревала, что все дело в спагетти с соевым соусом. Спасатель гурманом оказался, хотя по виду не скажешь...

Разрыву предшествовало несколько попыток накормить эмчээсника изысканным мясным блюдом. На кухне Талли потерпела полное фиаско, зато из упоительного, хоть и бесполезного выяснения отношений вышла победительницей: достаточно было объяснить про мужское чванство и женскую фрустрацию, чтобы любимый отпочковался.

Перестань реветь, уговаривала себя Талли. Тебе тридцать лет, ты кандидат наук, у тебя сложилась карьера, у тебя Центр, у тебя любимое дело. Твое имя известно в кругах специалистов, ты выходишь на международный уровень, наконец, ты – «ТТ».

Перестань реветь! Тебе отлично известно: твоя профессия требует жертв – нельзя заниматься сиротством вполсилы.

Поздним вечером, на заднем сиденье такси этот общепризнанный факт показался Талли чудовищно, фатально

несправедливым.

Тебе тридцать лет, а грудь у тебя нездорового нулевого размера, и тебя бросают мужчины.

Никакая ты не успешная. В чем он, этот успех? Больше других знать о детских изломанных судьбах – это успех? Мышеловка это, а не успех. Кажется, чужие беды и чужой травматический опыт стали твоими собственными бедами и опытом – вот тут ты преуспела. Лучше бы кулинарную книгу освоила!

– Вам плохо? – заерзал таксист.

– Не ваше дело! – со злостью выкрикнула Талли, и слезы остановились так же внезапно, как и хлынули.

Такси уже было на месте.

Справа возвышалась одинокая жилая многоэтажка, слева – магазин, почтамт и здание банка с пустующим рекламным щитом. Подсвеченный со всех сторон щит гласил: «Это место для твоей рекламы». И рука с указующим перстом: вот оно, это место. Не промахнитесь.

Талли расплатилась, дотянулась ногой до асфальта – она была маленького роста – и поняла, что наступила в лужу. Ну вот, теперь еще и замшевые туфли испортила. Чтоб тебя... тебе... чтоб его...

Еще дважды наступив в лужи, успешно маскирующиеся под идеальную поверхность, Талли добралась до подъезда.

Щелкнул кодовый замок, мелкой дробью простучали по бетонному полу каблучки, замерли у лифта, и в подъезде все

стихло.

Эта тишина и оупляющая усталость создавали ложное представление о времени суток, Талли казалось, что уже глубокая ночь.

На вызов лифта кабина отозвалась движением, створки дверей разъехались. Стук каблуков приглушил линолеум. Все, финишная прямая.

Чем выше поднимался лифт, тем меньше оставалось эмоций и чувств в организме. На третьем этаже отказало чувство вины. На четвертом – чувство голода. К седьмому этажу Талли уже ничего не испытывала, кроме желания немедленно рухнуть в постель. Не переодеваясь, не умываясь и ... оставив Фимку без прогулки.

Неосуществимая мечта. Еще в лифте услышала Фимкин скулеж: крамольная мысль, которую допускала хозяйка, вызвала у животного яростный протест.

Открыв дверь, Талли протиснулась мимо спятившей от радости собаки и включила свет.

– Подожди, а? – Сбросила туфли и став еще ниже ростом, босиком потащила в комнату. – Я только немножко посижу, и пойдем. Обещаю.

Талли упала в кресло и в ту же секунду превратилась в хлам. Шевелиться не хотелось. Сколько там ей по паспорту? Тридцать? Попахивает подделкой документов.

Монография, которую писала на коленке в обеденные перерывы, на форумах, конференциях и по ночам, вышла, на-

пряжение последних месяцев отпустило, но Талли преследовало чувство, что ее занесло за цель. Жизнь превратилась в черный квадрат: как его ни обрамляй, какую философскую основу ни подводи – ничего, кроме бессмысленной пустоты и отчаяния, в этой тьме не разглядишь.

Все из-за бабушки, лягушки-путешественницы, – уверяла себя Талли. Бросила ее, бедную-несчастную, на выживание.

– Ей овладело беспокойство, охота к перемене мест, – противным голосом процитировала Талли, обращаясь к Фимке.

«Может, меньше будешь работать», – прощаясь, выразила надежду Фаина Абрамовна.

Меньше работать внучке было скучно.

В Центре вообще все держалось на ее страсти к работе: конференции, телепередачи, поиск спонсоров, благотворительные акции, не говоря о презентации авторской программы – это тема докторской, тут без нее никак... Опять же: цикл передач о заместительных семьях сама пробивала на телевидении.

Талли протянула руку и нащупала на столике под зеркалом ту самую монографию.

– Бабье царство какое-то, – проворчала Талли, тыча в морду Фимке свой нетленный труд, – автор и соавторы – одно бабье. Белоногова, Агеева, Кончева, Барабашова. Даже Жмурко и Артемович – и те бабы.

Где они, эти мужики?

Например, звезда детской психологии Александр Кайро.

Профессор, доктор, учредитель, председатель... И, конечно же, москвич.

Талли подавила вздох. А она живет на периферии, в глубинке. И Белоногова, Агеева, Кончева тоже провинциалки...

Талли попыталась зарядиться от книжицы энергией, которую в нее вложила. Книжица почему-то не желала делиться вложенной в нее энергией.

Талли понюхала брошюрку.

Монография пахла типографской краской и чем-то сложным. Наверное, умными мыслями.

Используя запрещенный прием, Фимка (большой грех соседской таксы с каким-то неопознанным кобелем) копилкой уселась рядом и уставилась, не мигая. Глаза горели в темноте сдержанным огнем.

Талли предприняла еще одну попытку заговорить Фимке зубы:

– Вот почему такие, как Александр Кайро, существует в единственном экземпляре, да и то, в столице? Почему, а? Вообще, не знаешь, почему в возрастной психологии мужчины такая редкость? Вот и я не знаю. – Талли пристроила монографию назад, на столик. – Самое паршивое, что ужина у нас с тобой нет. Надо было не отпускать бабушку в Израиль. Знаешь, там сейчас лето.

Талли спохватилась, но было поздно: вырвавшиеся на свободу воспоминания, как стая перелетных птиц, поднялись на крыло и взмыли в небо.

Иосиф. Ося. Наверное, он уже нянчит своего первенца...

От намеков Фимка перешла к активным действиям: на колени Талли легла домашняя тапка с меховым бубоном.

Пробормотав что-то о деспотичных собаках и правах хозяев на сон и отдых, Талли извлекла себя из кресла, прихрамывая и кряхтя, как старушенция, поплелась в спальню.

Стянула с себя деловой костюм, влезла в свитер и джинсы и трансформировалась в девочку-подростка. Возраст выдавал только проницательно-снисходительный взгляд. Права Наталья, нужно научиться подпускать дурнинки в глаза, тогда, может, все образуется.

...Максим Северьянов точно не помнил, когда и как ему взбрело в голову стать менеджером. Наверное, когда в стране стали плодиться коммерческие фирмы, а с экранов телевизоров и со страниц журналов зрителю и читателю снисходительно улыбались лощенные, умеренно загорелые, белозубые молодые люди в костюмах известных брэндов. На запястьях швейцарские часы, на переносицах ювелирные оправы...

Это было едва ли не самое глупое решение в его жизни – выяснилось это не вдруг, а как-то постепенно, когда глухое раздражение от смет и бюджетов стало душить изнутри и вырываться наружу.

Реальность оказалась не как в телевизоре...

В родном городе топ-менеджеры не требовались. Требовался бухгалтер в местечке с экзотическим, где-то даже африканским, названием – Бодайбо.

Макс был оптимистом и верил в судьбу.

И действительно, Бодайбо давал возможность расти над собой.

Вдали от городской суеты Макс потихоньку учил немецкий язык, а потом играючи просаживал заработанные деньги на курсах. Для начала совершил вылазку за сертификатом по немецкому языку в Дюссельдорф, через год окончил курсы режиссуры в Москве.

Это было невероятно, захватывающе интересно.

Этюды, съемки, монтаж – все это звучало как песня и захватило Макса целиком.

Курсы режиссуры документального кино открывали дверь в волшебный мир. Еще не на фабрику грез, но уже в сенцы этой фабрики.

Сам собой сложился план: курсы немецкого, плюс курсы режиссуры, плюс исторический факультет университета в Потсдаме – и он, наконец, из хобби сделает профессию. Учиться на историка в Германии – это было так круто, что перехватывало дыхание от одного только слова: Geschichte.

Правда, чтобы взобраться на эту вершину, предстояло еще годик оттрубить бухгалтером в Бодайбо, но, черт возьми, Париж стоил мессы!

Неприятности начали валиться на голову новоиспеченно-

го режиссера-документалиста одна за другой, и все без предупреждения.

На рейс в Бодайбо он опоздал – тупо проехал остановку, на которой нужно было пересесть на экспресс в аэропорт. Рассеянность – удел гениев, говорила мама. Первая часть этого афоризма присутствовала, со второй, стал догадываться Максим, они разминулись.

Везение точно отвернулось от него.

Пришлось торчать в аэропорту сутки, несколько раз предъявлять документы патрулю, но это еще куда ни шло. Какая-то блондинка с собольими бровями элементарно увела у него триста рубчиков.

– Не подскажите, где здесь еще обменный пункт может быть? – Дело было как раз у обменника, на котором висела табличка «Не работает».

– Нет, не знаю.

Девица вертела в руке десять долларов:

– А вы не разменяете? Мне срочно надо положить на телефон деньги, – чертовка просительно улыбнулась, и в Максиме проснулся покровитель.

– Конечно.

Дома выяснилось, что десятка фальшивая. Не бог весть какая сумма, а все равно обидно.

Дальше – больше.

В головной конторе тетки-кадровички взялись воспитывать, грозить статьей за опоздание, Макс посыпал голову

пеплом, приниженно оправдывался.

Тетки явили божескую милость, переписали командировку на следующий рейс – через два дня.

Рейс на Бодайбо вылетал в семь утра, и Макс проспал. Никаким объяснениям, кроме потустороннего вмешательства, это не поддавалось: будильник, служивший верой и правдой несколько лет, будильник заслуженный, не вызывавший нареканий, с новой батареейкой – этот будильник вдруг остановился.

Макс чуть не на пузе полз к кадровичкам-сколопендрам.

Сколопендры задирали ядовитые хвосты, жалили:

– За опоздание у нас предусматривается штраф – лишение квартальной премии. Посмотрим, что решит руководство, может, и полугодовой тоже.

Прямо в отделе кадров Макс впал в состояние транса. До него стало что-то доходить. Он отложил на виртуальных счетах: опоздание на рейс «Москва-Иркутск» – первый щелчок костяшек.

Девиза с десятью долларами – второй щелчок.

Опоздание на рейс в Бодайбо – третий. Счет 3:0, ведет фортуна. Судьба. Провидение. Планида. Дальше только контрольный выстрел в голову.

Макс стряхнул с себя оцепенение.

Бодайбо на глазах стремительно удалялся в историю: именно премии делали место бухгалтера привлекательным – они были больше зарплаты.

Недолго мучаясь, Макс написал заявление.

...Тетки тетками, но решение было эмоциональным, и Макс быстро осознал ошибку: нет Бодайбо – нет денег. Нет денег – нет Geschichte.

С судьбой не поспоришь.

Так он и сказал Лешке Сыроваткину.

– Не судьба мне учиться в Германии, – уныло подытожил Макс. Они сидели в недавно открывшемся ресторанчике мексиканской кухни «Амиго».

– Макс, а как же курсы? Неужели все было зря? – Брови на лице у Лешки от возмущения вылезли за линию лба.

– Ну ты же видишь: не получается.

– Почему ты так легко сдаешься?

– Предлагаешь биться головой о стену?

– Если б я тебя не знал, я бы решил, что ты слабак.

– Ты меня не знаешь. Я и есть слабак.

– Для того чтобы признать себя слабаком, – со знанием дела заявил Лешка, – нужна сила.

– Нужна честность, – не согласился Макс.

Ему очень хотелось, чтобы Лешка оказался прав, и возражал он, скорее, из желания, чтобы его разуверили и разубеждали.

– Знаешь, Талли меня спросила когда-то: «Кем ты себя представляешь в сорок лет?» – Лешка имел в виду двоюродную сестру.

Двоюродную сестру Лешка цитировал направо и налево, и как-то выходило, что она стала чертовски умной девицей, путеводной звездой и мотиватором – это было Лешкино словцо.

Психолог и сестра спасала Лешку от неразделенной любви, от деспота-начальника и в целом – от житейских неурядиц, которые в двадцать семь кажутся непреодолимым.

По странному стечению обстоятельств, после того, как Лешкина сестра вернулась из Израиля, Макс ее ни разу не видел, а воспоминания о ней были размытыми. Когда Талли уехала, ему было тринадцать, ей – шестнадцать. Очевидно, сочтя лишним, детская память не сохранила подробностей. Так, какие-то обрывки, окрашенные в рыжий цвет...

Копившееся в душе Макса возмущение готово было прорваться наружу: просто какой-то заговор. Как будто опытный путевой обходчик переводит стрелки, меняет расписание, идет на должностное преступление и путает станции и номера поездов, лишь бы Макс не встретился с Лешкиной сестрой.

– Интересно... – Макс понял, что произнес это вслух.

Обрывочные сведения о Талли постепенно сложились в очень привлекательный образ: психолог, кандидат наук, директор Центра помощи каким-то детям... Что еще? Красавица, умница. По неуточненным данным – фея.

– Вот ты. Кем ты себя представляешь в сорок лет? – продолжал нудеть Лешка.

– Режиссером документального кино, – думая о превратностях судьбы, рассеянно ответил Макс.

– Так это и есть мечта. А за мечту нужно бороться.

Интересно-интересно.

– Леш, я хочу повидаться с Талли.

– Зачем это? – неприятным голосом поинтересовался Лешка.

– Вдруг она мне даст какой-то совет?

– Ну-ну, – Лешка окинул друга скептическим взглядом. – Я сам могу дать тебе совет.

– Не нужен мне твой совет, – с легкой обидой возразил Макс. – Устрой мне встречу с Талли. Вдруг мы с тобой породнимся?

Впервые за их многолетнюю дружбу Лешка ответил категорическим отказом.

– Макс, она тебе не подойдет.

Макс моментально оскорбился:

– Почему это?

– Ну, потому что... потому что она старше нас.

– Ой, подумаешь! На целых три года.

– Потому что она слишком умная.

– А я, значит, дурак? Ну спасибо. Ты настоящий друг.

Лешка скроил страдальческую мину, будто у него прихватило живот:

– Ты пойми: вы друг другу абсолютно не подходите.

Макс заподозрил друга в двуличии:

– Не понял. Ты что, не хочешь со мной породниться?

– Не хочу, – не стал запираяться Лешка, – ты меня вполне устраиваешь как друг.

При других обстоятельствах Макс был бы рад услышать такое признание, но только не сейчас, и он решил дожать Лешку:

– Тебе что, трудно устроить нам встречу?

У Макса было одно качество, вызывающее восхищение друга. Как дятел-аутист, он мог долбить в одно место без перерыва, пока жертва не сдавалась, будь то немецкой язык или мастерство режиссуры.

– Трудно. – Лешка вспомнил что-то и просиял. – Кстати, Талли сейчас в командировке. В качестве компенсации могу познакомить со своей однокурсницей. Аней зовут. Симпатичная.

– Ладно, – уступил Макс, – познакомь. – В связи с последними событиями настроен он был оптимистично. Не может же ему не везти бесконечно...

Оказалось, еще как может...

...В убогом гостиничном номере было холодно, как в покойницкой, пахло плесенью, а кран с горячей водой плевался чем-то рыжим.

Невразумительная тетка на этаже смотрела как на врага. Чтобы выпросить чайник, Талли задействовала все лицевые мышцы.

В детское отделение больницы добиралась своим ходом, под холодным, морозящим осенним дождичком, предчувствуя такую же, на уровне среднесуточных температур, прохладную встречу: приехала фифа из краевого центра копать под нас.

Дверь в начальственный кабинет оказалась распахнутой настежь, в проеме открывался вид на казенный набор мебели и крепко сбитую брюнетку в глубине. С первого взгляда угадав в Талли командированного психолога, брюнетка улыбнулась малиновыми губами:

– Входите, входите. Это вы к нам с научными целями? – Улыбка не смягчила интонацию, в ней отчетливо прозвучало: ходят тут всякие.

– Да, это я. – Другого приема Талли не ждала.

– Талли Тимуровна?

– Да. – Талли с вопросом посмотрела на заведующую.

– Марина Владимировна. Присаживайтесь, – едва заметным движением она указала на стулья вдоль стены.

Талли выбрала средний.

– Знакома с вашей последней монографией. Смело, – воскурила фимиам Марина.

Сколько ни говорила себе Талли, что она самодостаточная личность, что у нее все в порядке с самореализацией и что она не нуждается в оценках, но лесть прикоснулась к сердцу, погладила мягкой лапой и заставила вспыхнуть от удовольствия:

– Спасибо.

«Есть контакт», – было написано на лице у брюнетистой завотделения.

Фимиам сделал свое дело, умасленная Талли не заметила, как приняла правила игры и довольствовалась несколькими медицинскими картами, к которым ее допустили.

Сославшись на срочные дела, Марина упорхнула, оставив Талли наедине с картами.

Как и в гостинице, в больничке отопление еще не включили, и признательность Талли выросла до размеров среднего облака за чашку горячего чая, которую ей любезно принесла нянечка. Марина и здесь расстаралась.

Розовыми от холода пальцами Талли полистала скрученные на концах прошитые листы, сделала выписки и сложила карты стопкой на углу стола.

В общем и целом командировку можно было считать удачной. По крайней мере, здесь для статистики держали немногих.

С жертвами статистики Талли сталкивалась и прежде, и Марину понять было несложно. Если отделение пустует, финансирование закроют, персонал останется без работы. А у персонала – свои дети. Система...

Система непрошибаема и многорука. Этакий спрут со щупальцами. Что попадет в эти щупальца, то уже не вырвется.

Покончив с картами, Талли отправилась знакомиться с пациентами. В качестве рабочего кабинета ей выделили сто-

ловую.

...Пациенты выглядели вполне симпатичными и совершенно адекватными, только отстающими в развитии, но это как раз понятно. Система печется только о насущном.

– Тетя, а ты красивая. – Этот малец укусил братика за причинное место, пока, с позволения сказать, родители пребывали в астрале...

– Нас вкусно кормили. А ты из другого города? – Эта девочка налила на клитор валерьянки и подставила интимное место коту, а тот, войдя в раж, откусил кусочек плоти...

Вот он – материал для докторской...

– Тетя, а ты с нами еще побудешь?

– Немножко.

Талли улыбалась и кивала. Кивала и улыбалась, даже когда наметанный глаз обнаружил на детском запястье застарелые синяки. По форме это вполне могли быть следы чьих-то пальцев...

Спокойно, приказала себе Талли, это может быть все что угодно. Все что угодно...

Это может быть совсем не то, о чем ты подумала.

Посудомойка возилась на кухне, гремела алюминиевой посудой. Под это бряканье Талли усадила детей (каждого за отдельным столом), выложила на столы наборы карандашей и попросила что-нибудь нарисовать – что захотят.

Глазенки загорелись, процесс пошел.

Мягко ступая в ботинках на резиновой подошве, Талли прохаживалась между столами, туда – сюда, туда – сюда, наблюдала, как рождаются шедевры.

Закончив громыхать, посудомойка бесшумно удалилась, в тишине стало слышно, как о мокрое окно с видом на огромных размеров лужу трется ветка какого-то дерева.

В луже таяли частые капли.

Мысли унесли Талли домой...

Бедную Фимку пришлось устраивать к максималистке Наталье... В доме, по мнению подруги, либо дети, либо животные. Компромисс Наталья исключала.

Зато когда она вернется из командировки, квартира снова будет напоминать человеческое жилье – в нем будет хозяйничать бабушка. Как только бабуля окажется дома, Наталья в ту же минуту вручит ей Фимку. Хотя на несколько недель семья окажется в сборе.

Улыбнувшись уголками губ, Талли оторвалась от окна, рассеянно взглянула на ближайший столик.

Голова с двумя макушками склонялась над альбомным листом, детская рука в цыпках с синяками на запястье водила карандашом по бумаге. Талли перевела глаза на рисунок...

Черная собака с гениталиями и рядом – патлатый хозяин собаки в брюках. На гульфике большая, хорошо прорисованная пуговица.

Кровь взмыла и тяжело ударила в виски.

Картинка, которую изобразил маленький пациент с двумя макушками, вопила о насилии.

Улыбка застыла, скулы свело. Голова налилась свинцом, а сердце – ненавистью к взрослым.

Талли задержала взгляд на диковатой мордашке:

– Почему пуговица?

– Чтобы снимать брюки.

– Очень предусмотрительно, – пробормотала Талли, – вы пока рисуйте, а я выйду ненадолго.

Кивнула нянечке и деревянной походкой вышла из столовой.

Оказавшись снаружи, Талли привалилась к двери и постояла, прикидывая, как поступить.

К черту дипломатию и политесы.

Она сорвалась с места и ракетой понеслась по коридору, но уже перед кабинетом заведующей сбросила обороты. Ну же, сказала себе, ты же психолог. Думай конструктивно.

Сердце ухало в груди, Талли пришлось сделать несколько глубоких вдохов.

Постучалась и, услышав разрешение, вошла.

Подсознание мельком выхватило кофейный аромат, разлитый в воздухе, и отсутствие помады на бесформенных губах.

– Не помешаю?

– Кофе хотите?

– Да, – быстро ответила Талли, приземляясь на облюбованный ранее стул.

Марина расстелила салфетку, достала из шкафа пакетик (два в одном!), надорвала, высыпала содержимое в чайный бокал и залила кипятком.

Аромат кофе усилился.

Вдыхая притягательный запах, Талли судорожно соображала.

Она, конечно, не криминалист...

– Вы хотели о чем-то спросить? – проявила чудеса догадливости хозяйка.

– О синяках у мальчика. – Маленькая и бестелесная Талли вдруг заняла весь кабинет. – Не знаете, откуда они?

– Разумеется, знаю, – удивилась Марина, – мы же тут не плюшками балуемся.

– Конечно. Простите. – Талли обхватила пальцами бокал.

– Он поступил к нам с синяками.

– Вы позволите полистать его карту? – Бокал жег ладони, но Талли как будто не замечала этого.

– Если для вас это так важно.

– Очень важно.

С видом оскорбленного достоинства заведующая выдвинула ящик стола и перебросила Талли тощую тетрадку.

– Спасибо. – Отставив бокал, Талли смахнула со стола карту, впиалась глазами.

Эдуард Крупенин, интернат для сирот №2, значилось на

обложке. Талли перевернула лист. Семь лет, мать лишена родительских прав, отца нет. Со слов воспитателей, вдруг стал спать под кроватью и кусать всякого, кто пытался его оттуда извлечь. Отсюда синяки на запястье...

Вдруг стал кусаться? Спокойно, спокойно...

Два дня ты как-нибудь продержишься. И никому ничего не скажешь, потому что бесполезно. Крик поднимать надо не здесь, а... Где? Где?! В Москве, в Гаагском суде, в ООН, в небесной канцелярии? Хороший вопрос. И все-таки – где?!

...Программистка, как и Лешка, Аня оказалась интровертом. Разговаривать с ней было все равно что разговаривать с портретом: слушает и молчит. О чем думает – не поймешь.

Макс разразился зажигательным спичем о Смутном времени, о Борисе Годунове, о Богдане Бельском, живописал его почетную ссылку на воеводство в Великий Новгород, пересыпал все фактами и датами, как драгоценную парчу жемчугом...

Аня слушала рассеянно, не перебивала.

От этого рассеянного внимания на десятой минуте монолога Макс почувствовал себя дураком, а какому парню приятно чувствовать себя дураком рядом с девушкой?

От свидания остался стойкий неприятный осадок. Настолько неприятный, что Макс чуть не заболел от расстрой-

ства: с Анями ему не везло. Как и с Виками. И с Олями, кстати, тоже...

В институте была одна Аня... Красивая. Отец – моряк дальнего плавания. Судьба у моряка была драматическая: женился он по большой любви на женщине с ребенком. Бросив двоих детей, через три года жена сбежала с другим, моряк остался с двумя девочками – своей и чужой. Вот такая у Ани была семейная история.

С Аней закончилось все неожиданно: девушка бросила институт и исчезла. Как испарилась. Была, и нет.

И телефон «вне зоны».

По домашнему номеру ответила младшая, сводная сестра, сказала, что Аня подалась куда-то на юга – завербовалась на сезон то ли официанткой, то ли горничной.

Потом уже, когда все отболело, Макс понял, что бог отвел. Аня в мать, вертихвосткой уродилась. С хорошими парнями ей было скучно, а Макс (это он знал о себе так же твердо, как и то, что его зовут Максим) по определению был хорошим парнем.

Макс еще продолжал бы страдать, но начался учебный год, мама взяла дело в свои руки, и Аня отошла на задний план, откуда благополучно переместилась на задворки памяти. Там ей и место.

С Викой вообще все вышло криво. Оказалось, она замуж собирается, и Макс был для нее последней гастролью. Боковым прыжком. Тоже исчезла, тоже искал. Нарвался на жени-

ха – вспоминать противно...

Оля – та вообще уехала учиться в Германию. Вот тогда, кажется, он и заболел немецким.

Программистка Аня пополнила список неудач. Еще один щелчок костяшек. 4:0.

Узнав об этом, Алексей испытал жестокий приступ неуверенности: вдруг не прав? Вдруг он встал поперек счастья сестры и лучшего друга?

К счастью, у Талли гостила бабушка Фаина. Разделить ответственность за судьбу друга кроме бабушки было не с кем, и Алексей позвонил и напросился якобы на чашечку чая.

К чаю был традиционный рыбный пирог, который, кажется, у бабушки не переводился никогда. После второго куска Лешка не вынес собственного коварства и откровенно признался в причине визита:

– Бабуль, Макс хочет, чтоб я устроил ему встречу с нашей Талли.

– Алеша, я тебя умоляю. В чем проблема? – Фаина Абрамовна посмотрела на внука внимательным взглядом поверх очков со сложными линзами. Большую часть жизни она занимала солидный пост в краевой администрации, и научилась не волноваться по пустякам.

Насколько помнил Лешка, Фаина Абрамовна расплакалась только однажды, когда Талли принесла первую зарплату.

Загипнотизированный третьим куском пирога, Лешка

предпринял жалкую попытку оправдаться:

– Ба, если у них ничего не выйдет, я останусь виноватым.

– Полный бред. Макс ведь не дурак?

Лешка энергично замотал головой – отвлечься от пирога было категорически невозможно.

– Ба, они совсем не подходят друг другу, – завел шарманку Лешка, покончив с очередным куском.

Фаина Абрамовна задавила вялую аргументацию внука фактами:

– Нашей Талли никто не подходит, так что ж теперь? Вешаться?

Был вечер пятницы, и бабушка Фаина, недолго думая, постановила:

– Завтра суббота? Вот завтра их и познакомим.

План знакомства возник тут же, и креативным его назвать было нельзя даже с натяжкой:

– Я скажу Талли, что Максу нужна консультация психолога.

– Бабуль, неудачное начало, – обеспокоился Алексей, – она решит, что у него с психикой нелады.

– Спорим, она сразу решит, что Макс хочет на нее посмотреть.

– Тогда зачем придумывать какую-то консультацию?

– Алексей, – внушительно произнесла Фаина Абрамовна, – мы должны оставить Максу путь для отхода. Талька наша все-таки сложный человек... А консультация – это еще

не предложение руки и сердца, правда?

Промокнув рот салфеткой, Лешка приложился к дряблой щеке благодарным поцелуем: с души свалился камень, все-таки не зря он пришел советоваться с бабушкой Фаиной.

...В субботу Фаина Абрамовна, как договорились, позволила внуку и сразу взяла быка за рога:

– Макс у тебя?

– Да, бабуль, у меня.

– Тогда я передаю Талли трубку.

И Макс не успел глазом моргнуть, как с Лешкиной трубкой возле уха он оказался втянутым в интригу.

На том конце связи кто-то тихо сопротивлялся и шипел: «Ба, что за цирк-шапито? Он же...».

– Алле? – игриво позвал мягкий интеллигентный голос, но ни игривость, ни интеллигентность не скрыли, а, скорее, подчеркнули сексуальность тембра.

Макс вдруг разволновался. По телу прошла горячая волна, а голова предательски опустела. Нужно было что-то сказать, но что – Макс не мог сообразить, хоть убей. Заказное знакомство, как ни крути, смахивало на сватовство. Ему двадцать семь, ей – тридцать. При таких исходных данных у кого угодно возникнут матримониальные мысли. У Макса возникли. Внутренним слухом он даже услышал марш Мендельсона...

– Алле-о! – проявила нетерпение трубка.

– Привет! Талли? – Макс очнулся и набрал воздуха в легкие. – Это Максим.

– Максим? – Голос Талли дрогнул.

– Да, друг Алексея. Мы учились вместе. Может, ты даже помнишь меня.

– Да-да, припоминаю, – отозвалась трубка.

– Ты можешь со мной встретиться?

Максу показалось, что Талли молчала слишком долго для сестры друга. Инициатива неуловимо ускользала.

– Вообще-то могу, – наконец, последовал ответ.

– Отлично. Где?

– Не знаю. Предлагай.

Назвав первое, что пришло на ум, – ресторанчик мексиканской кухни «Амиго» – Макс вернул Лешке трубку и вдруг почувствовал себя опустошенным. Н-да, такого с ним еще не бывало.

Во-первых, он никогда прежде не влюблялся так безнадежно.

Во-вторых, девушки его никогда прежде не бывали кандидатами наук и директорами.

То ли он планку повышает, то ли его холостяцкие акции растут...

...Куда-то подевался фен, черт бы его побрал. Последний раз она сушила Фимку, когда та вывалялась в птичьем помете... Общеизвестная Фимкина страсть к экскрементам дока-

нывала Талли и служила поводом для семейных приколов.

– А не знаешь, зачем я ему понадобилась, ба? – Талли бродила с полотенцем на голове по квартире. Фу, ты! Вспомни-ла! Вот он, на подоконнике.

Фаина Абрамовна плавно перетекала из комнаты в комнату следом за внучкой:

– Максим окончил финансовую академию, но ему, видишь ли, никогда не нравилось работать с цифрами. Я не знаю точно, почему он уволился, но теперь он понятия не имеет, чем заниматься и что делать: дальше тянуть эту лямку или пытаться круто изменить жизнь.

– Каким образом?

– Он помешан на истории.

– Пф! Учителем хочет заделаться?

– Бери выше – хочет податься в документалистику.

– О-о!

– Да. Так или иначе, он хочет уехать в Германию.

Талли была настоящей внучкой своей бабушки и ухватывала суть налету: если мальчишка уезжает, то все ограничится консультацией. Ну и черт с ним.

Талли с удивлением поняла, что ждала большего. Сейчас она бы ухнула в отношения с головой, как в омут.

Лучше омут любви, чем омут сиротства, который она так неосмотрительно пригласила в свою жизнь.

Нет, на любовь она бы не отважилась, а вот интрижка была бы в самый раз. Интрижка отвлекла бы ее, придала сил. Да!

Мужчина – вот что ей сейчас показано, а не любовь. Любовь делает больно – так она устроена.

Любовь это... как сильный мороз для бездомного.

Ненужные воспоминания против воли ожили, принялись хозяйничать в памяти...

... Родители спали и видели, что их дочь получит зарубежное образование. Пришлось подчиниться.

Впереди у Талли замаячила разлука с Иосифом.

На память (на вечную память) о себе она проделала все, что проделывает влюбленная нимфетка: соблазнила Иосифа.

Далее последовали клятвы верности, надрывное прощание, самолет и четыре года учебы в университете Тель-Авива.

Ах, какие нежные письма он писал, сколько обещаний в них было! Обещаний вечной любви и неземного счастья. До сих пор рука не поднимается их выбросить.

Возвращаться после университета оказалось некуда.

Родители к этому моменту развелись. Сначала мать, а за ней и отец завели свои семьи, и две половинки души Талли оказались сиротами. По наивности Талли полагала, что Иосиф позовет к себе, но он не позвал.

В разгар лета Талли пробил озноб, когда она увидела Осю с невзрачной носатой девочкой. Парочка обнималась под старым тополем, не обращая внимания на спешащих мимо людей. Слабея, Талли жадными глазами вбирала не ей пред-

назначенную нежность.

Ноги подгибались. Она перестала соображать и видеть тоже перестала: слезы ее ослепили или кольцо с гравировкой на пальце у Оси – ее подарок...

В душе треснуло что-то и с гулом обрушилось. И этот гул обрушения застрял в ушах. «Это трещина, – врала себе Талли, – это не пропасть». Вранье не спасало – пропасть расплзалась, и она оказалась на краю.

Не известно, чем бы кончила Талли, если б не бабушка. ...Включив фен, Талли направила теплую струю воздуха на голову – радикальное средство от воспоминаний – и посмотрела на себя отстраненным взглядом.

Даже мокрые, волосы были нежного, светло-рыжего, как осенний лист, цвета.

Какая она все-таки хорошенькая. Хорошенькая и несчастная.

Двое преемников Иосифа не нашли отклик в душе. Пожарище оставалось пожарищем, здесь бессилен даже Лешкин друг, сказала себе Талли, каким бы зажигательным он ни был. К тому же эти творческие личности, эти искатели приключений так непредсказуемы, что лучше держаться от них подальше. Она так устала от боли, своей и чужой.

– Так я позвоню Алеше? – Фаина Абрамовна всегда была с внучкой терпелива.

Соглашаться Талли не торопилась – пусть ценят. Она отключила фен, устроила его в предназначенный специально

для этого держатель и только тогда ответила:

– Ну... не знаю. Если хочешь. – Сердце отчего-то зачастило, Талли почувствовала, что краснеет и разозлилась: вот что делает одиночество. Она уже готова закрутить с каким-то юнцом, который сам не знает, чего хочет от жизни...

И вообще, это не гуманно – цепляться за первого встречного, чтобы не чувствовать себя мертвой.

Пока Талли препиралась сама с собой, на пороге ванной образовалась Фаина Абрамовна с трубкой в руке:

– Это Макс, – одними губами проартикулировала она.

В самый последний момент Талли почувствовала дыхание судьбы и струсила:

– Ба, – зашептала она, – зачем этот цирк-шапито? Может, он...

Трубка оказалась у нее в руках, и все сомнения пришлось отложить.

– Алло-о? – протянула Талли хорошо поставленным голосом. Таким голосом она разговаривала на телевидении и с родителями – тоном «мисс-само-совершенство».

От трубки исходило замешательство.

Через минуту Талли пришла к твердому убеждению, что Лешкиному другу таки требуется консультация специалиста.

Тот впадал в ступор на ровном месте – еле выдоил «Привет» и, кажется, забыл, что в таких случаях говорят. Еще один чокнутый на ее голову. Впрочем, каким еще может быть друг у ее чокнутого брата?

Наконец, родил идею, пригласил в «Амиго». Видимо, это был плод коллективного разума. А как она должна добираться до этого «Амиго», коллективный разум не придумал. Молокососы. Придется брать управление на себя.

– Максим, передай, пожалуйста, трубку Леше, – проворковала Мисс-само-совершенство.

В трубке возникла какая-то возня, бормотание, наконец, знакомый бас прогудел:

– Да?

– Лешка, – воркование сменилось рычанием, – почему бы вам не приехать за мной и не отвезти в это кафе?

– Да ну, Талька, давай ты сама, – без надежды на успех заныл Лешка, – я не могу, у меня тренировка.

– Леш, ты мне отказываешь?

– Нет, я не отказываю, – сдрейфил Лешка, – но я, правда, не могу.

– Если ты мне не отказываешь, то давай ты нас подвезешь, а потом уже поедешь на свою тренировку. У тебя получится, вот увидишь.

– Ну... это же долго, – затосковал Лешка, – к тебе сначала, потом в кафе, и вообще это в другой стороне от клуба.

Обычно Талли не злоупотребляла манипуляциями, особенно с членами семьи, но тут напустила на себя обиженный вид:

– Алеш, ты мне брат или не брат? И успеешь ты на свою тренировку. Куда она денется? Или вас штрафуют за опоз-

дание?

– Ну, нет, – промямлил Лешка, и вопрос был исчерпан.

...На Лешкиной старенькой темно-серой «Хонде» друзья через десять минут тормозили у подъезда многоэтажки в самом центре города.

– Причешись, – буркнул Лешка.

– Да ладно? – не поверил Макс, но все же отогнул козырек над лобовым стеклом и посмотрелся в узкое зеркало.

– Дай-ка я на тебя посмотрю.

– Да ладно? – еще больше изумился Макс.

– Ты прикидываешься, да? Талька сейчас тебя оценивать будет. – Алексея не покидало чувство, что он привез своего питомца на выставку или без какого-нибудь шанса на успех выставил на бега жеребца-первогодку.

– Так это... я тоже к ней буду прицениваться.

– Вот здесь ты ошибаешься: прицениваются они, то есть девчонки, а мы тупо демонстрируем себя, – авторитетно заявил продвинутый Лешка.

Полную инвентаризацию другу Алексей произвести так и не успел – из подъезда стремительно выпорхнула сестра.

Из горла Макса вырвался нечленораздельный звук, рот от удивления приоткрылся.

Дьявол! Макс почувствовал себя обманутым. Как он мог забыть? Мягкие черты лица, загадочные глаза под чуть припухшими веками, плавная линия подбородка, тронутые

улыбкой губы... именно такие, какие ему всегда нравились...

Лешкино шипение раздалось у самого уха:

– Быстро! Выскакивай и встречай!

Макс неуклюже вывалился из салона навстречу Мечте:

– Здрассти. – Наверное, от волнения к нему приклеилась дурацкая улыбка.

– Привет, – Талли раздвинула в улыбке матовые губы.

Ища поддержки, Макс оглянулся на Лешку и бессознательно отметил сходство между братом и сестрой. Сходство было фамильным, но цвет волос... Оба были рыжими, как грибы лисички.

– Дверь ей открой, – сделав страшные глаза, прошипел Лешка. Угораздило же его вляпаться в эту скользкую историю. Вот чем он сейчас занимается? Не то сватовством, не то сводничеством. А если у них ничего не получится, – а внутренний голос отчетливо, без запинок суфлирует, что ничего у них не получится, – то он, друг и брат, окажется между двух огней.

Макс поспешно выполнил указание. Получилось не очень элегантно, но он пажеских корпусов не оканчивал – был такой грех.

Талли впорхнула на заднее сиденье, и Макса легко контузил аромат спелой дыни.

Поймав взгляд сестры в зеркале заднего вида, Лешка пробубнил:

– Привет.

– Привет.

Совершенно деморализованный, Макс продолжал торчать перед открытой дверцей.

– Максим, – окликнул его ласковый голос, – так мы едем?

Частично придя в себя, Макс устроился на заднем сиденье, рядом с Мечтой.

Талли мило улыбалась, и невротическая улыбка на физиономии Макса приобрела более естественное выражение, и мысли потекли оптимистичные, с уклоном в эротику. И случилось то, что не могло не случиться: Макс влюбился.

Он даже не пытался сопротивляться – сопротивляться было бессмысленно, – он просто вверил себя судьбе.

...Ресторан с мексиканской кухней вполне годился для кандидатов наук и директрис.

Чувствуя всю полноту ответственности, Макс пропустил свою спутницу вперед.

Сделав несколько шагов, Талли оглянулась. Встретив вопрос в глазах, Макс спохватился, припустил к угловому столику у окна. Талли с достоинством проследовала за кавалером. Испытывая замешательство, Макс плюхнулся на стул, не оставив даме выбора.

Одна бровь на хорошеньком личике поползла вверх: «Валенок», – мысленно заклеимила Лешкиного друга Талли.

Однако это было не совсем так. Лешкино беспокойство

передалось Макс, он старался изо всех сил, выказывал воспитание.

Увы. Воспитан Макс был мамой-феминисткой. Он через раз вспоминал, что мужчина входит в лифт первым, не подавал даме руку при выходе из транспорта, пальто при выходе из дома и так далее. То ли потому, что мама не считала эти проявления галантности истинной культурой, то ли потому что была слишком независима, только она никогда не дожидалась внимания ни со стороны мужа, когда он имелся, ни со стороны сына.

Стремительно и без посторонней помощи надевала пальто, выпрыгивала из автобуса и влетала в лифт прежде, чем Макс успевал сообразить, что к чему.

Талли была другой – это было очевидно. Она не просто ждала проявления внимания, она требовала его. Требование это было молчаливым, и тем острее чувствовалось.

От переживаний, что сделает и скажет что-то не так, Макс даже взмок.

Чтобы избавиться от чувства неуверенности, сразу сел на спасительного конька – исторического.

Изложил развернутый план захвата власти поляками царства Московского и несколькими штрихами набросал портрет царевича Федора Иоанновича, крестного отца Великой Смуты.

– Представь: Федор Иоаннович и короноваться трусит, и власть никому не отдает. Тот еще перец. Бояре давят на Фе-

дора, хотят, чтобы он корону принял, а ему дурно стало от страха. Лепечет что-то: не достоин, не могу принять... Жена Ирина всех выгнала взащей, позвала на помощь брата своего – Бориса Годунова. Бояре так трижды кланялись царю. С Федора Иоанновича и пошла мода трижды предлагать царю корону и скипетр.

Талли с некоторым беспокойством слушала Макса: только что скучный, застегнутый на все пуговицы Лешкин друг превратился у нее на глазах в сгусток энергии. Скулы порозовели, взгляд сверкал. Макс весь был во власти исторического момента, как по волшебству оживлял участников. Макс лицедействовал, Макс творил чудо. События шестисотлетней давности вдруг приблизились и стали зримыми.

Все пошло не так, как она себе представляла.

Дав согласие на встречу, она настроила себя на снисходительно-покровительственный тон этакой матроны, познавшей жизнь и натаскивающей недопеска. Она приготовилась подтрунивать, даже запаслась несколькими уничижительными фразами, которые сейчас же вылетели из головы, стоило Максу открыть рот.

Как только ей в голову пришла мысль о снисходительном покровительстве, – недоумевала Талли.

Страсть – вот что привлекало в Максиме. Неважно, что это была страсть к истории. Талли знала: как импотент во всем импотент, так страстный человек во всем страстен. Все-таки она была психологом...

...Макс чувствовал: это лицо напротив вдохновит его на великие свершения.

Он уедет в Потсдам...

Черт! Вдруг Талли не захочет ждать, пока он окончит университет? Целых три года. Черт!

Тогда надо уехать в Москву, покорить столицу, сделать карьеру, начать зарабатывать, как топ-менеджер, и позвать к себе Талли. Они вместе станут расти над собой, бороться с трудностями и добиваться...

Стоп, стоп, стоп, – честно попытался осадить себя Максим. Талли, собственно, уже всего добилась. Или нет? Одно дело – периферия, захолустье, и совсем другое дело – столица. Здесь она – голова у мухи, а там, может статься, окажется хвостом у слона.

Значит, он поедет, разошлет резюме в самые крутые международные компании, пройдет собеседование и оставит конкурентов далеко позади. Работодатель просто не сможет ему отказать, такому профессиональному и обаятельному.

И вообще Лешка соврал – и вовсе Талли не старая, вон, ни одной морщинки, личико гладкое и хорошенькое. А еще друг называется.

Все эти мысли пронеслись в голове у Макса независимо от того, о чем он в данный момент вещал.

Разделавшись со Смутным временем, Макс благополучно перескочил на Петра Первого, рассказал, как царь не выно-

сил одиночества, ненавидел большие залы и если его оставляли одного на ночь, прятался в шкаф.

– Настоящий экстраверт, – заметила Талли и погрузилась. Пример с Петром Первым напомнил ей о другом любителе шкафов.

Больного аутизмом малыша папа оставлял в комнате одного, а сам забирался с компьютером в шкаф и работал, работал, работал... Талли почувствовала, что задыхается.

Макс посмотрел на нее с тревогой:

– Что с тобой?

– Да так. – Она стряхнула липкую паутину воспоминаний. – Максим, скажи, а ты кем видишь себя в сорок лет?

На мгновение Макс потерял ход мысли, похлопал глазами и застеснялся:

– Режиссером документального кино.

– Так ты хочешь учиться за границей, чтобы сделать имя в документальном кино?

В голове у Макса случилось нечто подобное взрыву на маркониной фабрике.

Пытаясь вспомнить что-то важное, он с потерянным видом смотрел на Талли:

– Ну, да. Для этого.

Кратковременная амнезия отступила, сознание прояснилось. А как же топ-менеджерство? А как же ведущие мировые компании? – с некоторым испугом вспомнил он. Для них он будет потерян навсегда!

Внезапно грудь сдавило, Максусделалось по-настоящему страшно, он даже побледнел.

– Что? – моментально догадалась Талли, – страшно стало?

– Ты знаешь – да, – с нервным смешком проговорил Макс.

– Это понятно. Всегда страшно менять жизнь. – Это заговорил психолог, сообразил Макс и почувствовал себя совсем скверно. Не желая продолжать разговор, спросил:

– А ты не хочешь переехать в Москву?

– Может быть, года через два. – Талли улыбнулась, и сердце Максима исполнило матросский танец «Яблочко».

Все сходится! Куда ей еще переезжать, как не в Москву! А там он – режиссер документального кино... Или – так и быть – блистательный управленец высшего звена...

...Планы летели кувырком. От знакомства с Талли горизонт заволочло, как туманом, никакая Германия в этом тумане не просматривалась.

Все мысли Макса теперь были заняты исключительно Лешкиной сестрой. Ну, почти все.

Было одно дело, за которое он взялся втайне от всех: написание сценария документально-исторического фильма в жанре «infotainment»-шоу.

Пока еще российское документальное кино делало первые шаги в этом жанре, и Макс оценивал эти пробные работы на слабенькую тройку: им было далеко до творений Джастина Харди – мэтра западной документалистики и кумира, вто-

рого после бога. Наши сэкономили на всем, а шоу не терпит экономии.

Он напишет такой сценарий, на который ведущие телеканалы не пожалеют денег. Он создаст шедевр, нечто среднее между «Медичи. Крестные отцы Ренессанса» и фильмом «Неизвестная война 1812 года».

Писалось легко: Макс все время воображал, как этим сценарием покорит Талли.

Покорение шло туго.

Думая, что это поможет им сблизиться, Макс скачал из интернета с десятков интервью и передач с участием Талли Тимуровны Сыроваткиной. Не особенно вникая в то, о чем она говорит, жадно всматривался и влюблялся: в улыбку, в привычку заправлять за ухо прядь волос, в звук голоса. Пялился в монитор, пока образ Талли начинал расплываться. Любовь – или иллюзия? – застила ему глаза.

Однажды за этим невинным занятием Макса застукала мама.

– О чем это? – Она зашла со спины и с интересом рассматривала девушку на мониторе.

Девушка была хороша, безусловно. Особенно, когда говорила. Это была музыка сфер, а не речь. Слова легко, без усилий, срывались с губ, лились плавно, сами собой складывались в округлые фразы, были простыми и шли от сердца. Так говорить могла только любовь. Любовь к профессии.

Или к себе?

– О приемных детях. Бывает, что их сначала усыновляют, а потом отказываются и возвращают обратно в детские дома.

Мама схватилась за грудь:

– Ужас какой.

Дослушав интервью до конца, ревниво спросила:

– А кто эта девушка?

– Это Лешки Сыроваткина сестра, – как можно небрежной ответил Макс, – Талли.

– Умница какая. И хорошенькая. – Минуя слуховые проходы, слова бальзамом пролились прямо Макс в душу.

– Тебе нравится? – Голос предательски повело.

– Конечно.

Чувства так и распирали Макса, но не мог удержаться от хвастовства:

– Мы уже два раза встретились.

Мама покосилась на сына: тот остановил видео и теперь с овечьим выражением на лице рассматривал кадр, на котором застыло изображение девушки.

Два раза – это много. Два – это несть числа. Мало какая птица долетала до второго свидания с сыном.

– И как?

– Она сказала, что пять процентов населения не вписываются в общепринятые рамки, и мы с Лешкой как раз такие – не вписываемся.

Мама бросила еще один внимательный взгляд на монитор. Если эта женщина поняла ее сына, поддерживает его и вдох-

новляет – это же замечательно! Чего еще желать?

Только от чего так щемит сердце? Неужели банальная родительская ревность?

– У нее такая страшная работа. Нужно быть матерью Терезой, чтобы все это вынести. Как она, бедненькая, справляется со стрессами?

– Не знаю.

– Такая молодая и уже директор.

– Я стараюсь об этом не думать.

– Но ведь это ее жизнь, – осторожно заметила мама, – как же ты сможешь ее понять, если не знаешь, чем она живет?

... Поезд, по всем признакам переживший Революцию и Гражданскую, выпустил пары, состав дернулся, лязгнули сцепления, и все стихло.

Ехать не хотелось до судорог.

Ванька Заикин снова ударился в бега, бабушка Фаина опять уехала, Фимку снова пришлось устраивать к Чаплиным и выслушивать от Наташки, повернутой на чистоте, лекцию о паразитологии.

– Она с глистами? – Наталья придиричиво рассматривала впалые Фимкины бока.

– Да все у нее отлично, – уклонилась от прямого ответа Талли.

– Смотри, – пригрозила Наталья, – если у детей заведутся лямблии или аскариды – ты будешь виновата.

– Хорошо. – Талли покорно вздохнула.

– Диваны только портить с вашими псами, – ворчала Наталья, снимая с Фимки ошейник. – Когти вон, не острижены.

– Где? Все я состригла ей. Пострижена, протравлена, привита, в сумке с кормом ошейник от блох, – бубнила Талли, пятясь к двери.

Руки были развязаны, а ехать не хотелось все сильнее: интуиция подсказывала, что синяк на детском запястье не мог быть ни чем иным, кроме криминала.

– Заозерное! – Голос проводницы прозвучал в наступившей тишине неестественно громко.

Четыре участницы экспедиции в скорбном молчании друг за другом спрыгнули с подножки в снег – пятая колонна, а не комиссия.

Все примерно одного возраста, все, кроме Талли, разведенки, матери-одиночки, каждая в душе либо пиранья-феминистка, либо правозащитница: детский врач Алла Андреева, инспектор городской инспекции по делам несовершеннолетних Люба Хромченко и заведомо департамента образования Аделаида Блюммер. Любой намек на насилие действовал на каждую как красная тряпка на быка.

Морозный воздух, показавшийся после вагона целительным, забил легкие. Талли поехала.

Как она могла забыть, что инициатива наказуема? Высу-

нулась – вот на нее все с радостью и взвалили: создание комиссии и разбирательство.

По ее инициативе вся группа десантировалась в районном центре, чтобы вселиться в символично отапливаемую гостиницу с тетками-администраторшами, похожими на сутенерш, и ввязаться в позиционную войну с системой.

До интерната №2 добирались на попутках – мороз усилился, и водители безоговорочно подбирали с обочин пассажиров.

Как и ожидалось, интернат встретил молчанием ягнят и круговой порукой.

Роль деревенской недалекой бабы директрисе не давалась, острый взгляд невыразительных глазок, подведенных стрелками до висков, выдавал шакалью породу. К вопросу о насилии старших воспитанников над младшими мелкая падальщица оказалась готова.

– У нас? – натурально изумилась она, – ну что вы! Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Это же вам не Америка.

– К сожалению, статистика не подтверждает ваш оптимизм, – спокойно возразила Люба, – и Америка здесь ни при чем.

– Дети везде одинаковы, – заметила Алла.

– Наши интернатские не способны на насилие. Я, конечно, не утверждаю, что все они ангелы, но насилие – нет.

Поняв, что подобные менуэты исполняются перед всеми

официальными лицами и могут длиться до Конца времен, Талли прочистила горло.

– Э-э. Татьяна Ивановна, скажите, мы можем сейчас по-видать Эдика Крупенина?

– Можете, конечно, – вяло отреагировала директриса, – если вам не жаль времени. Крупенин просто хочет выделиться.

– То есть, – вцепилась в директрису Талли, – он кому-то из педагогов жаловался?

Подведенные стрелками глазки подкатились:

– Они все здесь фантазеры – это же неблагополучные дети, они используют все способы обратить на себя внимание.

– Тогда откуда у него на руках синяки?

– Ах, это? – На шее у директрисы проступили малиновые пятна. – Его же приходилось вытаскивать из-под кровати. Он сопротивлялся – отсюда и синяки. Но согласитесь, у педагога просто выбора не было – не оставлять же ребенка под кроватью.

– А как сейчас?

– Да в общем так же, – проямлила воспитательница, назначенная в провожатые.

В спальне, куда проводили комиссию, в два ряда стояли двенадцать идеально заправленных коек.

– Что это? – Детский врач попятилась от порога, ноздри завибрировали. Остальные тоже с беспокойством принялись: из спальни явственно несло мочой.

– Это Эдька обоссался, – любезно сообщил из коридора сильный детский голос.

Дамы дружно обернулись и воззрились на худющего бело-брысого мальчика лет десяти в байковой клетчатой рубашке, размера на два больше, чем требовалось.

– Хорошилов, – прошипела воспитательница, – ты почему здесь околачиваешься?

– Я за ручкой пришел. У меня ручка сломалась, – малец продемонстрировал половинки того, что было шариковой ручкой.

– Быстро бери и быстро возвращайся на урок.

Десант замер в ожидании, пока Хорошилов покинет спальню.

Хорошилов не торопился. Он присел перед тумбочкой и проводил серьезные изыскательские работы.

Наконец, искомая ручка была найдена. Дождавшись, пока белобрысая голова скроется за дверью, Талли обратилась к воспитательнице:

– А где Крупенин?

– А зря Эдьку из психушки выпустили, – светлая голова снова обнаружилась в проеме, – он теперь кусается, ссытся и заикается.

– Да где он? – теряя терпение, повысила голос Алла.

– А вон, – Хорошилов показал кивком на кровать в углу, – под кроватью. Может, помочь?

– Так, Хорошилов, – окоротила волонтера воспитательни-

ца, – марш отсюда. Без сопливых обойдемся.

К вящей радости маленького временного коллектива, Эдик откликнулся на зов и выполз из убежища.

Вот тут и выяснилось, что Хорошилов не соврал: вернувшись в интернат, Эдик впал в регрессивное состояние, к привычке спать под кроватью подключились ночной энурез и заикание.

Участницы экспедиции обменялись быстрыми взглядами. Двух мнений быть не могло: поведение Эдика Крупенина говорило о том, что насилие – психологическое, физическое, а возможно, и сексуальное – продолжается.

...Был вечер пятницы. Макс как раз закончил первую серию своего эпохального фильма, и ему нестерпимо хотелось отправить ее по электронной почте Талли и поразить ее своим талантом.

В рабочем беспорядке, царившем на столе, Макс отыскал телефон, набрал номер, который в списке номеров был первым.

– Я написал сценарий, – победно сообщил он, ожидая, что Талли прервет его восторженным воплем. Талли молчала. Макс принял это молчание за одобрение и продолжил:

– Это только первая серия. По плану будет двенадцать. Хочешь, я пришлю тебе, считаешь?

– Пришли, – равнодушно разрешила Талли, и от ее тона у Макса в груди образовалась пустота.

– Тебе не интересно? – глухим голосом спросил он.

– Я устала. Извини.

Сердце у Макса упало. Какое же он чудовище, какой же он эгоист.

– Таллюшка, – ненавидя себя, пробормотал Макс, – может, ходим куда-нибудь?

– Не могу. Я не в городе.

– А когда вернешься?

– На следующей неделе.

Несколько дней Макс скоротал, погрузившись в Смутное время, а когда вынырнул, Талли не отвечала.

Макс вызывал ее номер раз за разом, пока голос оператора не объяснил:

– Абонент выключен или находится вне зоны действия сети...

Макса пронзила страшная догадка: у него есть соперник. Талли встретила мужчину... Может быть, прямо сейчас, в этот момент... встречает...

Воображение точно сорвалось с цепи, эротические сцены одна ярче другой выползали из глубин подсознания, как оборотни в лунную ночь. Ладони вспотели.

Скользкими пальцами набрал Лешку.

Лешка оказался вообще не в курсе командировки сестры, и Макс от разочарования едва не взвыл:

– Позвони и поинтересуйся, где она. Вдруг что-то случилось?

– Да что может случиться? – В трубке отчетливо был слышен звонок.

– Что угодно! Вдруг она познакомилась с каким-нибудь негодяем или маньяком?

Лешка звучно сомкнул челюсти:

– Маньяком? Сам ты маньяк. Дураков нет, чтобы с Талли знакомиться.

– Что ты несешь? – возмутился Макс, – а еще брат называется.

– Ты ее просто не знаешь. Талли ни одному маньяку не по зубам. Сто раз сказал и еще повторю: она тебе не подходит.

– Кончай трепаться. Звони. Только потом меня сразу набери.

Дождаться Лешкиного звонка Максу не хватило терпения – набрал его сам. Линия была занята, и Макс обхватил голову руками, не в состоянии вынести ожидания. Наконец, номер освободился, и Лешка будничным голосом сообщил:

– Все у нее нормально. Я же говорил.

Раздутое воображением напряжение лопнуло, как мыльный пузырь: слава богу, с Талли все в порядке!

– Лучше скажи, о чем ты с нею разговаривал? – проявил интерес Лешка.

– Об истории.

– Ну ты даешь, Макс! С девушкой – об истории? Мог бы

о чем-нибудь другом поговорить.

– О чем это, интересно? – совершенно искренне удивился Максим.

– Ну, там, о фильмах, о книгах, стихи Талька любит – можно было о стихах.

– Ты хоть что-нибудь знаешь о своей сестре? – надменно поинтересовался Макс. – Она сказала, что любит историю.

– Не настолько, чтобы битых два часа лекцию слушать.

– В чем проблема? Это же слушать, а не говорить.

– Я понял, – сдался Лешка. – Давай, удачи тебе.

Радости от того, что с Талли все в порядке, хватило ненадолго. Макс снова набрал сакральный номер – с тем же результатом.

Вопрос «почему?» сводил с ума. Почему она не хочет с ним разговаривать? Почему?

Макс хватал и снова отшвыривал трубку, наконец, написал сообщение: «Талли, что происходит? Ты не хочешь со мной разговаривать?».

Трубка слабо звякнула, проинформировав: «Сообщение не было доставлено...»

...Эдик Крупенин, педагоги, дети, няни, повар, медсестра, сторож – были опрошены все.

Из отдельных бесхитростных свидетельств складывалась

даже не трагедия, а просто – жуть.

Семилетнего Эдика Крупенина изнасиловали в туалете два старшеклассника – четырнадцатилетний Роман и тринадцатилетний Александр.

Малолетки с порочными лицами блеяли что-то о согласии Эдика, в пустых глазах не просматривалось ничего, кроме животных рефлексов.

После контактов с подростками Талли не могла отделаться от навязчивого желания часто и подолгу мыть руки.

От всей этой истории тошнило, будто она каждый день на завтрак съедала кусок несвежей колбасы.

Тошнота из желудка поднималась в голову и парализовала мозг.

О матери Эдика Талли не могла думать иначе, как непечатным текстом.

Сознание, что именно она обрекла сына на весь этот ад, доводило до иступления. Где носит эту дуру, эту шваль, эту биксу подзаборную? Какая замечательная у нее жизнь – в неведении. Стерилизовать таких надо. А еще лучше – за волосы и в костер.

Соратницам по борьбе было легче: дома их ждали дети – обожаемые существа, которые на фоне бесприютного сиротства выглядели баловнями судьбы.

Талли же сама была несчастлива и никого не сделала счастливым, и собственное одиночество вступило в химическую реакцию с одиночеством Эдика Крупенина и породило

беспросветный мрак.

Днем Талли еще как-то справлялась с собой, но ночью...

Как только в номере гас свет, бесы принимались за дело, нашептывали о безысходности и невозможности изменить ход вещей.

Звонок Макса пришелся на третий день, когда Талли уже преследовали ощущения в духе хоррор: ей стало казаться, что мерзость двух человеческих детенышей вселилась в нее и пожирает изнутри.

– Я написал сценарий, – сообщил ликующий голос.

Слова до такой степени выпадали из контекста последних событий, что показались незнакомыми. «Что? – пронеслось в голове, – какой еще сценарий? О чем это он?».

Ликование на другом конце провода продолжилось:

– Это только первая серия. По плану будет двенадцать. Хочешь, я пришлю тебе, считаешь?

Вот оно что! Сценарист-надомник приглашает разделить с ним радость творца!

Эгоистичное, жалкое существо. Такие не имеют понятия, каково это – оказаться парией в семь лет. Таким все безразлично, кроме собственных ничтожных переживаний, не стоящих выеденного яйца. Он будет носиться со своими никому не нужными идеями, со своей никому не нужной любовью, с собой. Мужчины. Сильный пол. Защитники. Тьфу!

Талли стиснула челюсть, чтобы не заорать, не затопать ногами, не запустить в стену графин, олицетворяющий гости-

ничный уют.

Ничего этого она не сделала.

– Я устала и хочу спать, – сквозь зубы процедила она и, кажется, даже извинилась.

...Настоящий ужас только начинался.

Марина с готовностью объявила Эдика Крупенина невменяемым, а районный прокурор принял сторону дирекции интерната.

Ощущение собственной бесполезности достигло пика, и неожиданно для себя Талли не смогла пройти мимо церквушки – скромного деревянного сооружения, чудом уцелевшего с конца восемнадцатого века.

Вечерняя служба окончилась, в церкви было тихо и пусто.

Единственная лампочка горела в притворе, придел тонул в тених, от пустых подсвечников веяло унынием.

С неясным чувством Талли постояла, привыкая к полумраку, и прошла к центральному аналою.

Сбоку от алтаря под распятием темнели три фигуры, в одной угадывался священник.

– Теперь вы в ответе за это чадо. Как можно чаще приносите его к причастию. Если в душе нет Бога, там поселяется дьявол – третьего не дано, – услышала Талли, подойдя.

Двое его собеседников стали кланяться, батюшка благословил каждого, отпуская. Талли упорно не сводила глаз со спины, обтянутой сутаной.

Батюшка живо обернулся, их взгляды встретились.

– Вы ко мне?

Талли переступила с ноги на ногу. Если бы она сама знала!

Глубоко посаженные медовые глаза светились в полумраке, притягивали. Поддавшись этому притяжению, Талли проскулила:

– Можно с вами поговорить? – и тут же усомнилась: как об этом можно говорить под церковными сводами?

Ответом ей был одобряющий, внимательный взгляд.

Она не рассказывала – она брела по каменистому дну, наступала на скользкие и острые выступы, спотыкалась, сбивая ноги, останавливалась, нащупывала плоские камни и брела дальше.

Сглаженная и причесанная, история все равно шокировала бы кого угодно.

Не перебивая, батюшка слушал и кивал. Глаза сострадали, и этого Талли было достаточно. Выговорившись, посмотрела в бородатое, худое, аскетическое лицо с сетью морщин, заимствованных, кажется, с икон.

– Я не знаю, что делать.

– Борьбась, сестра. Нельзя отступать, раз уж ты выбрала борьбу. Я буду молиться за тебя, потому что больше ничего сделать не могу – меня не пускают в интернат. Как сказал патриарх Кирилл, «Горько слышать ответ: детей попам не отдадим». Понимаешь? – спросил он, прочитав в глазах Талли сомнение.

– Разве может быть хуже?

Медовые глаза потемнели:

– Еще как может.

Разговор, который ни к чему не вел, был окончен, сбитая с толку, разочарованная, Талли побрела в гостиницу.

Ноги оступались на неровной тропе, протоптанной в снегу, мысли унеслись в какие-то дали. Вспомнился «Закон Магницкого» и «симметричный» ответ на него – «Закон Ирода».

Что это, спросила себя Талли. Лицемерие или психическая неадекватность? Дорого бы она дала, чтобы протестировать авторов законопроекта, скажем, на фрустрационные реакции Розенцвейга. Что результат окажется бомбой, можно гарантировать.

Внезапно, будто подсказанная кем-то со стороны, возникла идея найти биологическую мать Эдика и ткнуть носом в зловонную яму, которую она вырыла собственному сыну. Заставить пережить все, что пережил он. И от этого простого решения Талли почувствовала давно не испытанное облегчение, как раненый боец, которому, наконец, ввели промедол.

...Он так и не понял, что произошло. Просто все было плохо, а потом он позвонил, и все стало еще хуже.

Промучившись несколько дней, Макс снова набрал Лешку и потребовал:

– Дай мне ее домашний номер.

Ворча, что он так и знал, что эта затея добром не кончится, что ему не будет никакого покоя, что он останется крайним, Лешка продиктовал цифры.

Внося их в память телефона, Макс почувствовал себя немного лучше: сейчас, сейчас он услышит голос Талли.

И он его услышал:

– Да? – глухо отозвалась трубка.

– Талли, это я, – выдохнул Макс. Мгновенная мертвая тишина в трубке сменилась протяжными гудками...

Вот тогда мир и погрузился во тьму.

Солнце светило только ему, и поэтому его украли. Как жить в этой тьме, Макс не знал.

В ужасе от того, что случилось, слушал гудки и не шевелился. Что, черт возьми, происходит? Что? Может, он ошибся номером? Ухватившись за спасительную мысль, Макс повторил вызов – гудки капали в вечность, абонент не отвечал.

Дольше выносить это безумие Макс не мог. Так не пойдет. Он сейчас же все выяснит. Чем он обидел Талли? Почему она так с ним поступает?

На бегу стаскивая спортивные штаны, Макс вызвал такси, напялил джинсы и курку, сунул ноги в сапоги и выскочил из квартиры.

Соседняя дверь тихо отворилась, выпустив на лестнич-

ную площадку запах чужого жилья, из темной прихожей выглянуло тонкое личико:

– Привет, Максим.

Одной рукой давя на кнопку вызова лифта, второй рукой Макс пытался застегнуть сапоги.

– А, привет.

Все еще взясь с замками, он бросил короткий взгляд в сторону соседской квартиры и удивленно застыл, на пару секунд забыв о личной драме: за несколько месяцев соседская девчонка, пигалица Дашка Цыпляева, умудрилась преобразиться в юное, стройное создание с гладкой, очень светлой кожей, любопытными темными глазами. Только губы оставались по-детски припухшими. Распущенные русые волосы, джинсы, майка... Даже пакет с мусором не в состоянии был испортить красоту.

Грохот лифта вывел Макса из комы, он махнул Дарье рукой и поехал вниз.

Куртку застегивал уже на улице.

И еще минут десять, пока ждал машину, удивляясь преобразению голенастой пигалицы в юную прелестницу.

...«Не смей давить! Не смей на меня давить! Звонить со всех телефонов. Ненавижу давление. Не смей», – произнесла Талли таким тоном, что у Макса слова застряли в горле.

Шлепанцы с меховым бубоном выглядели так мило, а махровый халатик так соблазнительно, что Макс на секунду да-

же усомнился: она ли это швырнула трубку, отказываясь с ним говорить?

– Прости, я спать хочу. – Талли скрылась за стальной дверью – границей между всеми благами мира и мраком небытия. Загremели замки.

Стыд и унижение были невыносимы, Максу захотелось умереть. Распугав подгулявших кошек, он пробкой выскочил из подъезда, только дверь ухнула за спиной.

Вдохнув холодный ночной воздух, Макс рванул от чужого дома, промахнул двор и внезапно замер, почти физически ощутив, как натянулись нити, связывающие его с Талли. Ноги не шли.

Поднял глаза к темным окнам, взглядом проник сквозь оконные переплеты...

В черном провале угадывались пустота и одиночество.

Почему? Почему она не верит ему? Он семимильными шагами идет на сближение, открыл свое сердце, а Талли окружила себя крепостной стеной, или как там у них это называется, накрылась куполом – в общем, неважно как, но Талли ускользала.

Слезы закипали на глазах, Макс утирал их кулаками весь обратный путь. Он плакал не о себе – он плакал о Талли. Откуда-то возникла уверенность: сейчас, в эту минуту ей хуже, чем ему.

Он не успокоится, не отступится и не сдастся. Он сумеет доказать, что ему можно верить.

Утром купит какой-нибудь дорогуший букет, приедет в Центр поддержки... кого-то там (Макс все время забывал, кого поддерживает Центр) и скажет, что любит ее. И никогда не разлюбит. И никогда не обидит ее, и не будет давить. Она станет его Музой, его мотиватором. Он станет ее опорой и защитой, ее крепостной стеной. Нет, не стеной. Лучше просто – ее озоновым слоем, средой обитания.

Проведя остаток ночи и часть утра среди мрачных сновидений, Макс проснулся поздно. Торопливо, не чувствуя вкуса, проглотил кофе и поехал на цветочный рынок.

В Центр он явился с букетом из одиннадцати роз. С сильно бьющимся сердцем поднялся по ступенькам, пробежал глазами вывеску: «Центр психологической поддержки приемных родителей и детей». То, чем занималась Талли, показалось Максу далеким и непонятным, как выращивание картофеля на Марсе.

Немногочисленный коллектив Центра в это время подался на обед, и Макса с нескрываемым любопытством рассматривали несколько пар глаз.

– А вы к кому? – не утерпела приятная большеглазая, сдобная, как булка, особа.

– К Талли Тимуровне, – робко улыбнулся Макс. Он находился во власти иллюзорного чувства, что это вторжение в мир, где царит Талли, сделает их чуточку ближе, и волновался.

– Кабинет налево. – Интерес в глазах особы сменился ску-

кой.

Робея все больше, Макс остановился перед дверью с табличкой «директор», побарабанил костяшкой согнутого пальца по темному дереву, не дождавшись ответа, потянул ручку и просунул голову.

Взгляд уперся в огромный рабочий стол, за которым те-рялась Талли.

В кабинете она была не одна.

Боком к ней, за столом поменьше, сидела унылая пара, по всем признакам – семейная. В воздухе неуловимо присутствовало напряжение, и Макс торопливо прикрыл дверь.

Десять едва ли не самых томительных в своей жизни минут Макс провел в кресле под фикусом, бродя взглядом по прожилкам на мясистых листьях. То, что он испытывал в этот момент, было похоже на муки творчества: Макс пытался облечь в слова свою любовь, но слова попадались все блеклые, штампованные и страдали бессилием, и ничего, кроме слабоумия, не выражали.

Наконец, бесплодная попытка выразить словами то, что творилось в душе, была прервана появлением грустной пары.

Мужчина и женщина еще несколько минут топтались у порога, словно не решаясь покинуть кабинет и оказаться наедине со своей проблемой.

– Спасибо, Талли Тимуровна. Мы попробуем. Спасибо. Вы нам очень помогли.

Ухаживая друг за другом и переговариваясь вполголоса,

супруги оделись и покинули учреждение.

Не одному ему паршиво, про себя заметил Макс, глядя в унылые спины.

Шаги стихли, в коридоре установилась напряженная тишина.

За дверь с табличкой «Директор» послышался шорох, звук отодвигаемой мебели, вслед за этим простучали, приближаясь, каблучки, и в дверном проеме, как в портретной раме, появилась Талли.

Черный пиджак и юбка очень шли ей. Ноги в черных тонких колготках и туфлях на каблуках выглядели невозможно соблазнительными.

Мысли Макса разбежались в разные стороны, от волнения в подушечках пальцев возникло легкое покалывание.

– Что ты здесь делаешь? – убийственным ледяным тоном спросила Талли.

Перед Максом стояла не сестра друга, не психолог, не очаровательная молодая женщина – перед ним стояла директриса, женщина из бетона и стали. Женщина из бетона и стали ничего общего не имела с той Талли, которая жила в его воображении.

Макс отчетливо почувствовал себя интервентом – он вторгся на запретную территорию. Не успеет он сделать нескольких шагов по чужой земле, как будет с треском изгнан. Здесь он враг.

И вот тут Макс совершил роковую ошибку: он сказал глу-

пость.

– Я скучаю по тебе.

– Прекрати меня преследовать, – отчеканило существо из бетона и стали.

Букет оттягивал руку, чувство, что жизнь кончилась, стало осязаемым и давило на плечи.

– Это тебе. – Макс сунул Талли розы и оказался на улице.

...Домой он плелся, как побитая собака, и конструировал в уме диалоги с неприступной чужой Талли. Выходило вполне в жанре «infotainment», в котором он представлял исторические сюжеты.

«Что такого я сделал?», – с болью спрашивал себя Макс и не находил ответа.

Дома пытка многократно усилилась.

Макс то уговаривал себя набраться терпения, то тяготился бездействием, то обвинял себя во всех смертных грехах, то винил Талли в трусости. Ну и как тут пробиться к ее сердцу, если она забаррикадировалась и держит оборону?

Максу нестерпимо хотелось поговорить с кем-то о Талли, с кем-то, кто ее не знает и может высказать объективное или хотя бы нейтральное мнение. По этой причине Лешка в со-беседники не годился, мама тоже.

Вконец измученный, он вспомнил про соседскую Дашку, вышел на лестничную площадку и позвонил в дверь Цыпляевых.

На Дашке было черное платье-свитер и гетры в белый цветочек. И неизменная смущенная улыбка.

Макс на мгновение залюбовался соседкой.

– Привет, – он сделал слабую попытку улыбнуться.

– Привет. – На девичьем личике расплескалась радость.

– Мне нужен твой совет.

– За какую команду болеть?

– Команду? – удивился Макс.

– Так ведь полуфинал идет.

Ну вот, он так и думал: жизнь проходит мимо.

– Нет, – угрюмо ответил Макс, – я хочу с тобой посоветоваться по другому вопросу.

– Войдешь? – Дарья отступила в темный коридор.

Мгновение поколебавшись, Макс шагнул в чужую прихожую, заставленную обувью, и услышал из глубины квартиры крикливые голоса. Шум доносился из кухни.

– Постой, – он попятился, – у тебя что, гости?

– Нет, это у предков. Идем. – Дарья направилась в противоположный конец коридора, к распахнутой двери, из которой лился слабый свет.

Послушно следуя за изящным абрисом, Макс втягивал ноздрями едва уловимый запах ванили, который перебивали грубые запахи застолья, и лихорадочно соображал, как это будет выглядеть: великовозрастный оболтус выворачивает душу перед девчонкой.

– Чаю хочешь?

Макс вынырнул из собственных мыслей, мазнул рассеянным взглядом по лицу, казавшемуся в приглушенном свете полудетским, и бросил взгляд на тахту.

Плюшевый медведь с медалью на шее, книжка с влюбленной парочкой обложке, в беспорядке оставленный на тахте плед и подушка с четким контуром головы – все это показалось Максу настолько интимным, что он смутился.

– Не откажусь. – Голос хрипел.

– Тогда располагайся, я сейчас.

Дарья смылась, предоставив ему свободу выбора. Приличия ради Макс выбрал кресло.

– У тебя уютно, – вежливо заметил он, когда соседка вернулась с подносом, на котором покачивались две чайные пары, сахарница и плетенка с печеньем.

Дарья наклонилась, взору Макса явился косой пробор.

– Ничего особенного, наверное, как у всех. – Дарья опустила поднос на тахту. Застенчивая улыбка привычно блуждала на губах.

Неожиданно для себя Макс спросил:

– У тебя парень есть?

Даже в слабом свете настенного бра было заметно, как Дарья вспыхнула:

– Нет.

– А сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

Макс вдруг почувствовал себя стариком.

– А почему?

– Что?

– Почему нет парня?

Дарья склонился над подносом:

– Не знаю. Держи, – она протянула Максу чашку, – бери печенье. Я сама испекла.

Продолжая поглядывать на смущенную девушку, Макс сунул в рот увесистый кружок – он тут же растаял, вызвав в памяти смутные образы из детства.

– Овсяное?

– Да. Мама брала у вашей бабушки рецепт. Нравится? – Опустившись на тахту, Дарья тут же натянула на колени свитер. Печенье, смущенная улыбка и натянутый на колени свитер странным образом поднимали настроение, и Макс сделал неприятное открытие, что в душе он бабник.

– Очень вкусно, – он заложил за щеку еще один кружок.

Лицо соседки озарилось:

– Ешь, не стесняйся.

Неожиданным образом подушка перестала казаться полупнамеком, тахта и разбросанные девичьи вещицы больше не смущали Макса, он освоился и пустился во все тяжкие – вывалил на Дарью подробности казни пирата Штёртебекера.

– Короче, его приговорили к отсечению головы, – излагал Макс, кидая в рот печенье, – в те времена приговоренный имел право на последнее желанье. И Штёртебекер просит: так, мол, и так, уважаемый бургомистр, сколько шагов я сде-

лаю после отсечения моей буйной головушки, столько пиратов вы помилуете. Ему отсекли голову, и он сделал одиннадцать шагов! Можешь представить?

Впечатленная не столько поведением пирата, сколько рассказчиком, Дарья зомбированным голосом протянула:

– Ого!

– Бургомистр слово не сдержал – всех казнил.

Дно плетенки обнажилось. Отбросив предрассудки, Макс сунул в рот последний кружок и интеллигентно отставил чашку. Пора было решаться: либо он привлекает Дарью в качестве эксперта их с Талли отношений, либо откланивается. И первое, и второе теперь казалось Максиму неприличным. Пришел, уплел гору печенья и свалил?

На физиономии Макса отразились терзания, и Дарья пришла на выручку:

– Ты хотел о чем-то посоветоваться?

Распахнутые карие глаза смотрели с таким живым интересом, что Макс решил:

– Как думаешь, что должен делать парень, если девушка его отвергает. Отказаться от нее или добиваться?

В зрачках соседки мелькнуло удивление:

– Смотря, какой парень.

– Ну, допустим, я.

Как ни глубоко Макс был погружен в свои переживания, он не мог не заметить выражение крайнего недоумения на лице Дарьи.

– Тогда добивайся.

– Как?

– Напиши письмо ей.

Прежде, чем Макс успел подумать, с языка сорвался вопрос:

– А тебе пишут письма парни?

– Мне? – Дарья опустила глаза, тень от ресниц легла на щеки.

– Не хочешь – не отвечай, – великодушно разрешил Макс. Он вдруг почувствовал неизъяснимое превосходство над юностью и неопытностью. Если взять такую девчонку в жены, можно испытывать это сладкое чувство долгие годы. Что за чушь лезет в голову?

– Ты ее любишь? – тихо спросила Дарья.

Макс потер ладонями лицо:

– Мне плохо без нее.

– Так и напиши: мне плохо без тебя.

– Так просто?

Повисла пауза, во время которой Макс ощутил, как к нему возвращается неловкость.

Запоздалое сожаление подняло с места:

– Ладно, пойду я. Спасибо за печенье.

– А кто она?

– Сестра друга. Психолог.

– Напиши, что ты близок к самоубийству, – выпалила Дарья.

У Макса вырвался мрачный смешок:

– Шантаж?

– Провокация, – тихо возразила она.

Теперь пришла очередь Макса удивляться. Вот так молодозелено...

Он окинул соседку долгим изучающим взглядом:

– Я подумую.

...Собственно, думать было не о чем. Прямой и грубый шантаж Максу претил... Однако...

«Однако, – сказал он себе, – хуже уже быть не может, и испортить уже ничего нельзя, поэтому в ход можно пустить и шантаж, и лесть, и... на что еще пускаются в романах отвергнутые любовники?».

Положив подбородок на кулаки, Макс собирал лоб складками, шевелил бровями, покусывал губы.

Дальше навязчивых строчек: «Я к вам пишу – чего же боле?» дело не шло, но к чести Макса он почти сразу вспомнил, что у этих строк имеется автор – А.С. Пушкин.

Примерно через час Талли вызвала ассоциацию с водой. Сравнение показалось Максиму удачным, и он напечатал: «Ты как вода – все время меняешься и утекаешь сквозь пальцы».

На этом поэтический источник иссяк, и минут тридцать Макс бился над продолжением, сокрушаясь, что прежде не упражнялся в изящной словесности.

Наконец, со скрипом родилось следующее: «Талли! Ты

как вода – все время меняешься и утекаешь сквозь пальцы. Я не умею разговаривать с водой. Что мне остается? Закрывать глаза и представить, что уже напился из родника? Невозможно: жажда слишком сильна. Я на пороге депрессии. Скажи, как все исправить? Понимаю: я не должен был демонстрировать свое беспокойство. Не знаю, что на меня находит в такие моменты – это вообще не я делаюсь. Это кто-то другой, кто гонит меня, подталкивает делать глупости и необдуманные шаги. Больше такого не повторится, обещаю. Останься в моей жизни, прошу тебя».

Перечитав послание, счел его достаточно художественным и клацнул мышкой.

Остаток дня был мучительным.

Макс гипнотизировал стрелки часов, подгоняя время, пытался представить, как Талли откроет электронную почту, как увидит конверт с завораживающей надписью «У вас 1 письмо». Он отдал бы все, чтобы узнать, что испытает она в тот момент: досаду или мгновенную радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.